

ГОСТЬ

ВЛАДИМИР САРИШВИЛИ

(Грузия)

Владимир САРИШВИЛИ – поэт, переводчик, драматург, кандидат филологических наук, сонетолог, лауреат различных международных литературных конкурсов и фестивалей, член Союза переводчиков стран СНГ и Балтии – его «голосом» сегодня звучит большинство грузиноязычных поэтов. Заслуженный журналист Грузии, с прошлого года – руководитель Международного отдела Союза писателей Грузии, координатор «Всегрузинского Общества Руставели», обладатель титула «Посланник грузинской культуры».

Его стихи отмечены подлинным профессионализмом, высокой языковой культурой, а главное – той щемящей интонацией, без которой поэзия мертва, несмотря на все совершенство внешних форм. Эту интонацию невозможно сконструировать, ей невозможно обучиться – она рождается из горечи и света прожитого и пережитого, драматических изломов судьбы, высшего просветленного зрения, открывающегося взгляду на «Крестовом перевале» наших лет... В свое время пронзительная «Молитва зародыша» Владимира Саришвили по личному распоряжению патриарха Грузии была вывешена в ряде роддомов и больниц Тбилиси – и если ее строки сумели спасти хотя бы одну женскую или детскую душу, можно смело утверждать, что поэт уже выполнил свою миссию на этой Земле...

Утро буднего дня

**В отливе сон. В утробе городской,
Кофейники поставив на конфорки,
Зевают йеху¹... Бросив веник свой,
Уборщица со сторожем в каморке
Интим-фастфудом угостились всласть.
Чиновникам сорочки гладят жены –
И вот уж, ранним солнцем обожжённые,
Идут они чинить да править власть.**

**И мы с тобой, вовлечены в отлив,
Ступаем на гудящий эскалатор...
Вагоны плотью брэнную набив
И взгляды под землей остекленив,
Спешит, спешит голодный люд куда-то.
Ты смотришь на часы. Я молчалив.**

Свадьба в «Лексусе»

**Может, гном принес в лукошке счастье девочке в фате,
Вот, на глянцевой обложке, – поздравления чете
Новобрачных из «бомонда», как писаки говорят,
И ликует целый Лондон... Боже, боже, что творят!..**

¹ Йеху (от английского Yahoo) — вымышленные отвратительные человекоподобные существа, описанные в IV части «Путешествий Гулливера» Джонатана Свифта.

Ведь когда-то и окрошке рада девочка была,
А теперь вот на обложке – и чудные же дела...
Позабыты ложки, плошки, счастьем светится лицо,
Блещет лучиком в окошке обручальное кольцо.

За кулисами времени

Мы, дети оперных певиц,
Взросли из пыли закулисной,
Со мной здоровались артисты
С улыбкой в темпе вспышки блиц.

Кинжал Алеко мне вручал,
Чтоб сбегать в паузе (прижало).
Моя рука кинжал держала,
Я каменел, дрожал, молчал.

Когда ж, исполненный идей,
Сам Главный предложил детей
Занять в «Онегине» хористкам,
Чтоб ларинский украсить бал –
Запрыгал я и заплясал
И, помнится, затряс монистом.

Вот занавес. И первых нот
Тревожно-вкрадчивая поступь,
А Беллочку мою трясет,
Еще чуть-чуть – и упадет...
Артистом быть не так-то просто!..

Но вальса ритм ворвался в зал,
И кровь свободою вскипела,
Вспорхнула Белла, полетела,
И я за ней не попевал.

Но где ты, Беллочка, теперь,
И кто тебя по жизни кружит?
С кем спишь?.. Кому готовишь ужин?..
И помнишь ли в примерку дверь?

Там, не таясь от малышей,
Застежками скрепляя лифы,
Ликером баловались фифы
На складчину своих грошей.

Но все имеет свой конец,
И дружбы стареньких сопрано
Все тоньше, тоньше было ріано,
Как бег и память их сердец.

Старинный разорвался круг,
И больше нет на свете мамы,
И голоса ее подруг
Уж не слышны во тьме мембраны.

Трактир «Старое время»

**Вечернее солнце бархоткою гладит затылок,
В трактире приморском задорное звяканье вилок...
Твой локон каштановый – помнишь? – метался и прядал...
И были мы рядом...**

**О, старое время в трактире у моря, и нарды,
И падали с лошади пьяные пермские барды.
И рыба на углях пленяла своим ароматом...
И были мы рядом...**

**Я пиво, как грек Демокрит, смаковал, наблюдая:
Вот пена искрится, на солнце шипит и, сдувая
Навершие белое, каждый разглядывал атом,
И были мы рядом...**

**Потом, уже за полночь, папа твой ждал на балконе
И бросил в меня с георгином горшок – так на склоне
Прожитого века пытался он выпятить личность.
Конфуз, неприличность...**

**О, старое время у Черного моря, фонтаны,
Цветные огни, моционы, качки, бонвиваны...
Твой локон каштановый бился под ветром соленым,
И был я влюбленным...**

*** * ***

**На чѐмбало¹, на чѐмбало сыграйте мне Люлли²,
Ну чем была – ничем была дорога без любви.
На ней – одни каракули, на ней одни нули,
На чѐмбало-кораблике сыграйте мне Люлли.**

**Зачем же ты, чего же ты запнулся, замолчал?..
Еще так мало прожито, а виден уж причал...
Чего же ты, зачем же ты –
на чѐмбало сыграй...
Но стынет он, отверженный, потерянный, как рай.**

*** * ***

**Белая ночь раскрошилась, как мел.
Вечность ослепла, и я онемел.
Вечность искала дрожащей клюкой
Дверь, за которой помогут слепой.
Я онемел. И молил Небеса –
Дать ей глаза.**

¹ Чѐмбало (с итальянского) – одно из названий клавесина.

² Жан-Батист Люлли — французский композитор, скрипач, дирижер эпохи барокко. По происхождению итальянец, вошел в историю музыки как создатель французской национальной оперы.

* * *

Ты видишь трещинку в хрустальном глобусе?
Я помню женщину с тоскою в голосе.
На этой трещинке, на старой лесенке,
Она нездешние певала песенки.
И грозди черные срывала с лоз она,
Дитя баюкала, в приметы веруя.
Она придумала проклятье ворону –
«Да превратится он в голубку белую!»
Она ждала его, давно ушедшего,
В иной обители любовь нашедшего,
Она ждала его, дитя баюкала,
В приметы верила, приметы путала.

Репортаж из Тбилиси-1992

Толпа сужается в хвосте и, прилепившись, как пиявка, к окошку хлебному, с прилавка сосет буханки. На кресте распятый раб стонал, наверно, как этот старец, весь в парше, которого погнал взашей владелец угловой таверны, приюта местных алкашей. Палят гвардейцы, отгоняя толпу голодных от ворот; меж тем трактирщик хлеб сует в мешок, и прочь, свинья такая. Хлоп – выстрел. Карапузы – в слезы. В толпе бессильные угрозы; Идет старушка на стволы, хватает их, себя не помня. А голубок – курлы, курлы... Он сиз. Он – ничего не понял. Рывок – в бою добытый хлеб. Еще рывок - и я свободен. Домой – в сухой и шумный sklep, к семье, я нынче ей угоден. А там – бузи да сквернословь, на прозябанье обреченный. О, этот хлеб непропеченный, о, эта нищая любовь!..

Южная ночь

Уходит солнце на закат писать либретто южной ночи,
И вот становится за пульт плешивый месяц-дирижер.
Цветут акации вовсю, и, как приклеенные скотчем,
Гуляют пары до-минор, гуляют пары фа-мажор.

Я еду с ярмарки – купил всего, на что хватило денег,
Всего, на что хватило мне полушек стертых, медяков.
Искусство трудное – стареть; отмёл свое упругий веник,
И вот пылится он в углу, среди таких же стариков.

Воспоминания шуршат, бульвар фонтанит и гогочет,
Гуляют пары до-минор, гуляют пары фа-мажор,
Уходит солнце на закат – писать либретто южной ночи,
Во фраке желтом встал за пульт спесивый месяц-дирижер.

Где шуршит волнами старый Понт,
Чавкая и слизывая камни,
Дождь меня загнал под черный зонт...
Осень и приятна, и легка мне.

Шлепаю по пляжу в сапогах,
Подбираю мелкие монетки.
Мой приют красив, как саркофаг,
Гости неназойливы и редки...

Размягчились сгустки острых игл
Там, в провалах нервных переплетов,
Я избавлен от змеиных игр
В городах пронирливых уродов.

Это было будто на другой,
Усталой колючками, планете,
Вижу там себя, как на портрете,
Грязной перечеркнутом дугой.

Здесь же – заштрихованный дождем
Вид на море с луковки-балкона.
Над гитарой на стене икона.
Я – и зонтик черный. Мы вдвоем.

Письма Иисусу

1

Неоднократно проклятый и битый,
Провозглашаю истину – не ложь:
Чем легче забываешь ты обиды,
Тем дольше ты на свете проживешь.

Но память, неизменная покуда,
Вергилий мой, зовет на путь иной:
Я ничего вовеки не забуду,
Но все прощу, как велено Тобой.

2

Слеза, чем горше ты и солоней,
Тем Господу любезнее, наверно...
Как заливался утром соловей,
Когда я плакал после ночи скверной.

Я каялся, прощая всех и вся,
Но не себя, погрязшего в гордыне,
И хмурились, золу и грязь меня,
Мои надежды и мои святыни.

